

¹ Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

² Иркутский государственный университет
ул. К. Маркса, 1, Иркутск, 664003, Россия

bocharova.e@gmail.com

ПЕРЕХОД ОТ МЕЗОЛИТА К НЕОЛИТУ: ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ И СТЕПЕНЬ КУЛЬТУРНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ МНОГОСЛОЙНОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ КАЗАЧКА I)*

При разработке хронологии и периодизации каменного века одним из важных вопросов является определение хронологической границы мезолита и неолита, а также степени преемственности между ними. Ввиду слабой изученности территории Канско-Рыбинской котловины, для решения этого вопроса особое внимание следует уделять детальному изучению многослойного местонахождения Казачка I, открытого в 1972 г. Комплексной археологической экспедицией Иркутского государственного университета. На данном местонахождении в четких стратиграфических условиях выявлено 20 культуросодержащих горизонтов. Нами рассмотрены X–VII культурные горизонты, охватывающие период от финального мезолита до раннего неолита. В финальномезолитических горизонтах появляются основные типы изделий, характерные для последующей неолитической эпохи. На основании анализа палеогеографических, геохронологических данных, анализа и сопоставления каменного инвентаря, фаунистических остатков и костяных изделий, представленных в материалах X–VII культурных горизонтов, формулируются основные критерии перехода от мезолита к неолиту. Делается вывод о существовании на данной территории 8–7 тыс. л. н. одной культурной традиции.

Ключевые слова: Канско-Рыбинская котловина, голоцен, мезолит, неолит, многослойное поселение, хронология.

Определение хронологической границы мезолита и неолита, а также степени культурной преемственности или различий между ними является одной из основных проблем при разработке хронологии и периодизации каменного века. В историографическом плане существует несколько взглядов на границу начала неолитической эпохи. Чаще всего при первичной периодизации основной, но упрощенный критерий для выделения неолита – появление традиции керамического производства. К тому же в последнее десятилетие на территории Сибири и Забай-

калья были получены данные о датировках археологических комплексов, содержащих керамику, датируемую 12–8 тыс. л. н. [Разгильдеева и др., 2013]. С другой стороны, на территории Сибири фиксируются комплексы, которые по облику каменной индустрии относятся к неолиту, но керамика в них не обнаружена (Б. Э. Петри об Улан-Хаде, Л. П. Хлобыстин о Прибайкалье, Ю. С. Гришин о Забайкалье). С. А. Васильев выделял этап «бескерамического» неолита, имеющий даты VI–IV тыс. до н. э. и «представляющий собой одну из закономерных ступеней раз-

* Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

вития культуры каменного века в Южной Сибири» [1995. С. 15]. Однако позднее автор пересмотрел свою концепцию в сторону финального мезолита и отметил, что термин «бескерамический неолит» вышел из употребления, а все бескерамические комплексы принято относить к финальному мезолиту [Васильев, 2000. С. 71].

По нашему мнению, археологические комплексы, датированные 8–7 тыс. л. н., сложно определить термином «бескерамический неолит». Имеющаяся схожесть в морфотехнологической базе каменного инвентаря может свидетельствовать лишь о культурной преемственности этих комплексов. Судя по датировкам ^{14}C , появление керамики на территории Сибири удревняется [Горюнова и др., 2012; Разгильдеева и др., 2013]. Учитывая эти данные, а также слабую степень изученности раннеголоценовых комплексов на западной границе юга Средней Сибири, имеет смысл рассмотреть территорию, которая граничит с Прибайкальем, и территорией верхнего Енисея – Канско-Рыбинскую котловину. В настоящее время для этого региона известно несколько опорных комплексов – Казачка I, Стрижовая Гора, Попиха. Материалы многослойного местонахождения Казачка I (наличие культурно-стратиграфических горизонтов, охватывающих период 8–6,8 тыс. л. н., или X–VII культурные горизонты, представительный археологический материал) в данном контексте являются единственными, где возможно определить хронологический рубеж мезолит – неолит и проследить динамику развития этих комплексов.

Местонахождение Казачка I, открытое в 1972 г. КАЭ ИГУ под руководством Н. А. Савельева, расположено в нижнем течении Кана, в устьевом участке правого притока Кана – р. Казачка (Рыбинский район Красноярского края). Стационарные полевые

работы проводились в 1973–1975, 1977, 1983 и 1985 гг. Общая вскрытая площадь составила 500 кв. м.

По сложившейся периодизации к финальному мезолиту на местонахождении относятся X–VIII культурные горизонты [Савельев и др., 1984]. По этим горизонтам получена серия радиоуглеродных и палеомагнитных дат [Бураков и др., 1996], позволяющих определить нижнюю хронологическую границу раннекерамического комплекса – 7–6,8 тыс. л. н. (см. таблицу). Первый горизонт, содержащий следы керамического производства, – VII.

Культуросодержащие горизонты X–VII вмещены в одну литологическую пачку. Она представлена слабо гумусированной толщей супесчано-песчаных осадков, снесенных с повышенных участков близлежащих склонов. Начало формирования совпадает с началом атлантического времени – 8–7,5 тыс. л. н. Споропыльцевые данные удалось получить только по X горизонту. По сравнению с предыдущими частями разреза (нижележащими горизонтами XX–XI) в X культурном горизонте увеличивается количество содержания пылицы древесных растений (до 35 %). Но в целом климат характеризуется как сухой и прохладный, лесные стадии не преобладали над степной растительностью. Почвообразование привело к появлению малогумусных остепненных почв. Вся пачка, содержащая X–VII культурные горизонты, представляет единый геoarхеологический цикл формирования, демонстрирующий завершение планации поверхности высокой поймы и ее трансформацию в I террасу высотой 7 м [Савельев, Воробьева, 1984].

Культурные остатки X горизонта залегают в слое серо-желтой супеси мощностью 0,12–0,20 м. В слое обнаружены один очаг (кладка очага овальной формы, сплошная вымостка из кусков гранита и битой речной

Хронология финального мезолита – раннего неолита местонахождения Казачка I

Культуросодержащий горизонт	Дата (л. н.)	
	по ^{14}C	по химической намагнитченности
VII	6 975 ± 120 (СО АН 8938)	6 950–7 230
VIII	6 830 ± 210 (ЛЕ 1227)	7 580–7 750
IX	8 300 ± 110 (СО АН 4657)	7 760–7 910
X	–	7 950–8 025

гальки) и одно кострище. Все находки X культурного горизонта располагались двумя скоплениями: одно группировалось между очагом и кострищем, второе обнаружено в юго-восточной части раскопа и представляет собой скопление отщепов диабаз. Всего в X культурном горизонте было найдено: каменных предметов – 1 582 экз.; фаунистических остатков – 866 экз. Первичное расщепление характеризуют нуклеусы, их заготовки и сколы. Обнаружено 3 нуклеуса (2 экз. – призматические, 1 – аморфный) и 5 заготовок нуклеусов с несколькими снятиями и подготовленной площадкой. В отличие от нижележащих горизонтов, количество нуклеусов значительно уменьшается (24 экз. в XI культурном горизонте и 59 экз. в XII культурном горизонте).

К сколам относятся пластины (39 экз., в основном обломки проксимальных фрагментов, двухгранные) и отщепы (1 510 экз.).

Орудия представлены вкладышами, резцом, резчиком, скребками, абразивными орудиями, обломком тесловидного орудия, скреблами, а также впервые на местонахождении в X культурном горизонте встречаются бифасы и наконечники.

Вкладыши (6 экз.) выделены в отдельный морфологический класс по наличию ровной притупляющей ретуши на одном или обоих маргиналах. Резец представлен единичным экземпляром: одинарный, правый угловой, выполнен на пластине. Скребки – 7 экз. Четыре экземпляра выполнены на пластинах: один скребок боковой (лезвие оформлено на правом маргинале, ретушь крутая), 3 экз. – концевые скребки (лезвие оформлено на дистальном конце притупляющей ретушью). Боковые скребки на отщепах представлены 2 экз.; 1 экз. – концевой скребок на отщепе.

Орудия макроформ представлены обломками тесловидных орудий (2 экз.). Одно выполнено из кремнистого сланца, обработано с двух сторон крупными сколами. Второе – из диабаз, обработано с двух сторон крупными сколами.

Характерной особенностью X культурного горизонта является появление каменных наконечников и бифасиальной обработки камня. Наконечники представлены двумя целыми орудиями (подтреугольной формы, со слегка вогнутым насадом) и одним обломком. Бифасы представлены двумя изделиями из зеленого диабаз (симметричные, лав-

ролистной формы, оформлены крупными сколами) и одним бифасом из желтого кремня (бифасиальная обработка диагональной ретушью по всей площади орудия, с обломанным основанием).

В слое темно-желтой супеси мощностью 0,10–0,23 м залегает IX культурный горизонт. От предыдущего горизонта он отделен стерильной прослойкой желтого песка мощностью 0,05–0,10 м. Культурные остатки концентрировались вокруг десяти очагов (всего было зафиксировано 12 очагов – 2 находились на периферии), которые располагались близко друг к другу и образовывали цепочку, напоминающую в плане дугу. Большинство очагов имели округлую или овальную в плане форму, сплошную кладку из кусков гранита, плиток диабаз и речной гальки; зольники малой мощности, в заполнении встречались битая, жженная кость, отщепы. Всего в IX культурном горизонте было найдено: каменных предметов – 1 870 экз.; фаунистических остатков – 863 экз.

В слое обнаружено два призматических нуклеуса, пять заготовок и сколы поджигления площадки (3 экз.), скол переоформления фронта, скол переоформления дистального конца нуклеуса.

Соотношение пластин к отщепам составляет 1 : 3. Пластины служили заготовками для таких орудий, как вкладыши, резцы и скребок. Вкладыши (3 экз.) изготовлены на медиальных частях призматических пластин. У двух орудий один из маргиналов оформлен крупной ретушью на дорсальном фесе, на втором маргинале – следы утилизации в виде мелкой краевой ретуши. В коллекции имеются четыре резца, относящихся к группе угловых резцов, присутствует концевой скребок на пластине, лезвие которого оформлено крутой разнофасеточной ретушью.

В горизонте обнаружено 8 наконечников стрел, все они обработаны сплошной бифасиальной ретушью. Первый асимметричный, с удлиненным насадом и одним шипом. Второй наконечник удлиненно-треугольной формы. Третий треугольной формы, с симметрично вогнутой базой. Четвертый наконечник имеет овальную форму. Еще четыре представлены обломками: один экземпляр подтреугольной формы, один шип обломан; второй имеет прямое основание, острие обломано; третий представлен подтреугольным обломком острия. Кроме того, в коллекции имеется фрагмент основания с прямой базой.

Орудия на отщепах представлены скребками и ножами. Два скребка – боковые, с высоким рабочим краем, лезвия оформлены крутой ретушью. Еще один скребок простой концевой, лезвие оформлено крутой ретушью. Ножи представлены двумя экземплярами. Один имеет удлинненно-треугольную форму. Ретушь бифасиальная, диагональная. Второй экземпляр усеченно-овальной формы, лезвие оформлено сколами.

Бифасы представлены одним целым и пятью обломанными. Обнаружено также скребловидное орудие, выполненное из гальки, лезвие которого подготовлено крупными сколами.

К макроорудиям следует отнести тесло с ушками, уплощенное в сечении. Оно имеет бифасиальную обработку, со следами забитости по краям. Найден также обломок тесловидного орудия со слегка выраженными «плечиками».

В слое темно-желтой супеси мощностью 0,20–0,25 м залегает VIII культурный горизонт. Он отделен от предыдущего слоя стерильной прослойкой серого и серо-желтого песка мощностью до 0,10 м. Находки в слое располагались неравномерно. Всего в VIII культурном горизонте зафиксировано 13 очагов. Большинство очагов округлой или овальной в плане формы, ориентированы на север или северо-запад, имеют сплошную кладку и зольники малой мощности, в заполнении встречаются битая, жженая кость, отщепы. В плане равномерно удалены друг от друга. Количество каменных предметов – 2 586 экз., фаунистических остатков – 1 585 экз.

Первичное расщепление характеризуется призматическими нуклеусами (3 экз.), пластинами (99 экз.) и отщепами (2 455 экз.). Пластины представлены в основном целыми формами и проксимальными фрагментами. На проксимальных фрагментах микропластин оформлены вкладыши (4 экз.). Пластины использовались для изготовления резцов (4 экз.: два срединных, один угловой и один боковой).

Отщепы служили заготовками для изготовления скребков (2 экз.). В коллекции имеется концевой скребок на крупном отщепе (лезвие овально-выпуклое, ретушь крутая) и скребок с тремя конвергентными лезвиями (обработан бифасиально).

Наконечники стрел (3 экз.) подтреугольной формы, с вогнутым насадом и асиммет-

ричными шипами. Еще один наконечник подтреугольной формы с прямой базой, один фас обработан сплошной ретушью, другой – краевой.

Обнаружено 5 бифасов. Три из них имеют форму усеченного овала, обработка сплошная, края подправлены мелкой ретушью; четвертый – подтреугольную, обработка бифасиальная сплошная приостряющей крупнофасеточной ретушью, пятый – овальной формы (аплицируется из 4 обломков).

Для изготовления орудий также использовались массивные сколы и плитки диабазы. Сколы служили заготовками для скребел (одно целое и две заготовки) и рубящего орудия. На плитке диабазы оформлено ножевидное орудие (лезвие подготовлено крупными сколами, с краевой ретушью по контуру).

Помимо орудий из камня обнаружено изделие из кости. Представляет собой округленное острие, сделанное из трубчатой кости, в 6–6,5 см от края прорезаны две линии по окружности изделия. Функциональную принадлежность определить сложно.

VII культуросодержащий горизонт приурочен к слою темно-серой, гумусированной, местами слабо оглиненной, супеси мощностью 0,15–0,20 м. От нижележащего VIII культурного горизонта, не содержащего керамических остатков, он отделен стерильной прослойкой серого и желтовато-серого песка мощностью 0,10–0,12 см. Большая часть культурных остатков располагалась вблизи очагов или кострищ, но имелись и отдельные скопления раздробленных костей, плиток диабазы и речной гальки, а также фрагменты керамики. Очаги по форме и мощности зольника делятся на две группы. Первую составляют 11 очагов овальных в плане с небольшой мощностью зольника, заполненного плитками диабазы, целыми и разбитыми гальками средних размеров; иногда в пределах очагов находились немногочисленные обломки костей и отщепы. Во вторую группу входят 7 очагов, имеющих в плане форму неправильного круга со значительной мощностью. Заполнены они всегда крупными плитками диабазы, чаще наложенными друг на друга. Всего в VII культурном горизонте было найдено: каменных предметов – 785 экз.; фрагментов керамики – 49; фаунистических остатков – 889 экз.

В каменной индустрии фиксируется большое количество призматических пла-

стин, их соотношение с отщепами достигает 1 : 1 (в основном это обломки дистальных и проксимальных частей). находка костяной двухпазовой обоймы в VII горизонте не оставляет сомнений в факте использования пластин в качестве вкладышей составных орудий. Не являются редкостью и обломки широких призматических пластин, служащих основой для изготовления таких орудий, как скребки и наконечники стрел. Заготовками для снятия пластин служили призматические одноплощадочные нуклеусы. Скребки на пластинах (3 экз.) представлены концевыми формами (их скребковые лезвия оформлены крутой дорсальной ретушью) и одним боковым (лезвие выполнено на одном из маргиналов краевой крутой дорсальной ретушью). Всего зафиксировано 2 наконечника стрел на пластине; они выделяются параллельными краями. Все имеют прямую базу и обработаны сплошной покрывающей ретушью.

Для основной массы орудий заготовками служили массивные отщепы и пластинчатые сколы. Подавляющее количество скребков оформлено на отщепах (15 экз.). Большинство их представлено концевыми скребками (10 экз.), лезвия которых оформлены на дистальных фрагментах крутой дорсальной ретушью. Реже встречаются боковые (2 экз.) и двулезвийные (2 экз.). Зафиксирована группа массивных скребков, заготовками для них служили массивные сколы и бифасы (2 экз.). Они имеют прямые аналогии с материалом мезолитических горизонтов.

В слое зафиксировано 19 наконечников стрел и дротиков. Большинство их обработано сплошной покрывающей ретушью (17 экз.), у остальных – ретушь краевая. Выделены наконечники треугольной формы со слегка вогнутой базой (4 экз.) и ромбовидные (4 экз.). В одном экземпляре зафиксирован наконечник треугольной формы с прямой базой. Выделяется группа наконечников (3 экз.), отличающаяся массивностью, – подтреугольной формы, обработаны бифасиально и интерпретируются нами как наконечники дротиков. Большая часть наконечников представлена обломками (7 экз.).

Для изготовления орудий крупных форм использовались плитки сланца и крупные речные гальки. На бифасиально обработанных крупных сколах вторичной ретушью оформлялись ножевидные лезвия. Крупные гальки и желваки служили заготовками то-

поров (3 заготовки, 1 обломок и 1 целый экземпляр). Целый топор имеет овальную форму, обработан крупными снятиями, в медиальной части изделия мелкофасеточной ретушью оформлены углубления – «перехваты».

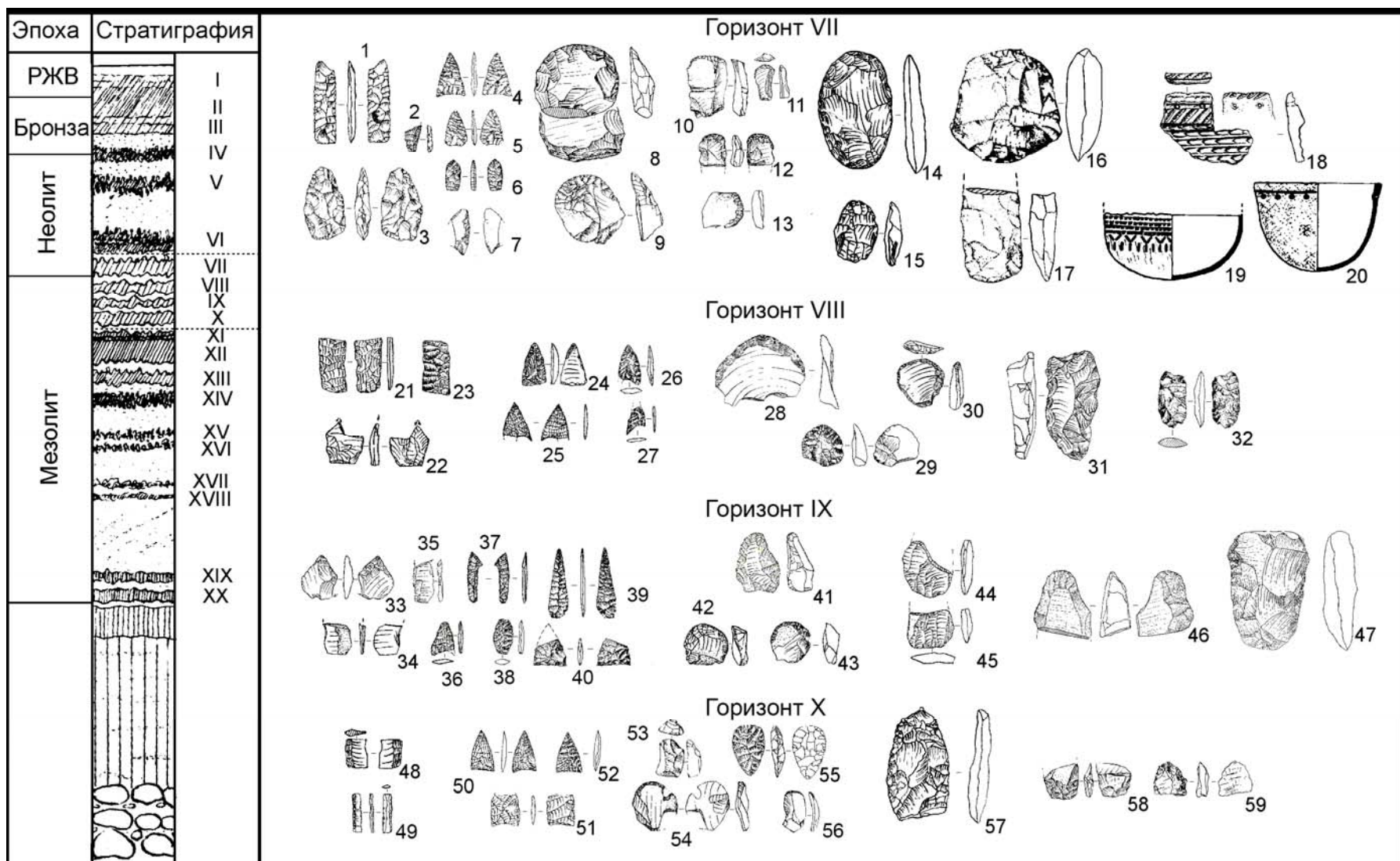
К категории универсальных заготовок можно отнести такую группу изделий, как бифасы. Из них оформлялись наконечники дротиков, скребки, режущие орудия.

Керамика раннего этапа малочисленна. Обнаружены фрагменты от семи сосудов. По способу орнаментации и техническому декору нами выделено два типа керамики.

К первому отнесены фрагменты от четырех сосудов керамики посольского типа. Сосуды имеют простую открытую форму и округлое дно. Внешняя поверхность покрыта отпечатками витого шнура. Венчики украшены треугольным в сечении наклепным валиком с зубчатыми отпечатками по верхнему кососрезанному краю и поясом мелких сквозных отверстий. Орнамент зональный – из горизонтальных, вертикальных и диагональных линий отпечатков «отступающей лопаточки» с зубчатым концом.

Ко второму типу относятся фрагменты керамики от трех сосудов. На внешней поверхности у них отпечатки «сетки-плетенки». Сосуды имеют форму усеченного овалоида, дно округлое. Орнаментированы сосуды в привенчиковой зоне пояском ямочных вдавлений и прочерченной линией.

Согласно приведенным данным можно с большой долей уверенности говорить о непосредственной преемственности между финальномезолитическими и ранне-неолитическими горизонтами местонахождения Казачка I. Культуросодержащие горизонты X–VIII, вмещающие комплексы финального мезолита, демонстрируют плавный переход каменной индустрии к неолиту (см. рисунок): во всех горизонтах остается неизменной сырьевая база (кремневые и халцедоновые гальки, для орудия макроформ используется диабаз); начиная с X горизонта получает развитие и распространение бифасиальная техника обработки каменных орудий, в этом горизонте в качестве универсальной заготовки появляются бифасы; в раннем неолите преобладают появившиеся еще в X горизонте наконечники с вогнутой и прямой базой; наблюдается тенденция к снижению количества нуклеусов и орудий на пластинах; появляются тесла трапециевид-

Типолого-хронологическая схема археологических комплексов финального мезолита – раннего неолита местонахождения Казачка I (художники: А. Г. Генералов, Н. А. Савельев, А. А. Тимошенко; без масштаба)

ной формы, топоры с «ушками» со следами подшлифовки лезвия. Во всех рассматриваемых горизонтах очаги характеризуются овальной или округлой формой, обкладками из кусков гранита, плиток диабаз и речной гальки.

Таким образом, среди новаций можно отметить только появление керамики, а также новые по форме очажные конструкции.

Следует отметить, что природная обстановка позднего мезолита и раннего неолита кардинально ничем не отличалась. Данные почвообразовательных процессов и характер спорово-пыльцевых спектров показывают, что изменения природной обстановки от перигляциальной к межледниковой проходили медленнее, чем в Европе [Савельев, Воробьева, 1984; Демиденко, 1998]. Консервативность климата и растительности проявлялась на всем протяжении раннего голоцена. Бореальный термический максимум (8 900–8 300 л. н.) на юге Средней Сибири выражения не получил. Начиная с предбореального и до середины атлантического периодов климатическая ситуация неустойчива, характеризуется резкими температурными перепадами, развитие получают открытые степные пространства [Воробьева, Медведев, 1984]. Как показал анализ фаунистических остатков мезолитических и ранне-неолитических горизонтов Казачки I, экономическая база древнего населения осталась практически неизменной: по добыче первое место принадлежит косуле и оленю, в единичных экземплярах встречены кости лося и медведя [Хамзина, 1979]. В этой ситуации, на наш взгляд, древнему человеку не было необходимости менять стратегию поведения и способы адаптации к природной среде. Соответственно те изменения, которые мы наблюдаем в связи с появлением керамики в регионе, носят скорее культурный характер. Таким образом, можно предположить, что остатки X–VII горизонтов местонахождения Казачка I принадлежали носителям одной культурной традиции, которая сложилась еще в бореальный период. В результате основные типы орудий, впоследствии характерные для неолитического времени, имеют свои прототипы в комплексах финального мезолита.

Говоря о датировке границы мезолит – неолит, необходимо обратить внимание на следующий аспект. Предварительно археологический материал VII культурного горизонта был датирован второй половиной V – началом IV тысячелетия до н. э. [Савельев и др., 1984]. Благодаря широкому внедре-

нию междисциплинарного метода в археологии (геологические наблюдения, серии радиоуглеродных дат и датировки по остаточной намагниченности) стало возможным говорить об удревнении этого горизонта до первой половины V тысячелетия до н. э. С открытием и раскопками в 1980–1990-х гг. пещеры Еленева появилась возможность для более точных построений, на основе корреляции этих двух комплексов. Материалы пещеры – опорного голоценового памятника Красноярской лесостепи – имеют прямые аналогии с рассматриваемыми нами комплексами. Основные типы орудий, которые характерны для неолита Енисея, появляются в финальномезолитических комплексах: подшлифованные тесла, бифасиально обработанные ножи, ретушированные микропластинки, двухсторонне обработанные наконечники стрел, костяные пазовые наконечники. Керамика впервые фиксируется в 11Г горизонте пещеры Еленева; по технике орнамента и композиции орнамента она идентична керамике VII горизонта Казачки I [Макаров, 2005].

Финальномезолитический горизонт VIII стоянки Казачка имеет дату по ^{14}C $6\,850 \pm 200$ л. н., датировка по остаточной намагниченности ложится в диапазоне 6 950–7 230 л. н. [Воробьева, Савельев, 1984; Бураков и др., 1996]. Средне-неолитический VI культуросодержащий горизонт местонахождения Казачка I имеет дату $6\,650 \pm 200$ л. н. [Воробьева, Савельев, 1984]. Датировка 11Д горизонта пещеры Еленева, перекрытого керамическими комплексами, имеет дату $7\,330 \pm 60$ л. н. (СО АН 2922) [Макаров, Орлова, 1992]. Для ранне-неолитического горизонта пещеры Еленева имеется дата $6\,900 \pm 115$ л. н. (СО АН 3998); $6\,630 \pm 60$ л. н. [Макаров, 2005]. Таким образом, границу мезолит – неолит для Красноярско-Канской лесостепи можно определить интервалом 7–6,8 тыс. л. н. На основании схожести материала и синхронности комплексов финального мезолита – раннего неолита можно предположить, что территорию Красноярской лесостепи и Канско-Рыбинской котловины заселяли носители одних и тех же культурных традиций. На этой территории граница неолита определяется появлением керамического производства, а поступательное развитие каменного инвентаря и сохранение единого хозяйственного уклада указывает на преемственность этих эпох. Однако проследить пути взаимодействия и миграции, а также установить причину появления керамического производства в на-

стоящий момент не представляется возможным ввиду малой изученности территории Канско-Рыбинской котловины. В связи с этим следует отметить, что экстраполяция на всю территорию Канско-Рыбинской котловины выводов, сделанных на основе материалов Казачки I, в настоящее время не представляется полностью объективной, хотя может быть рассмотрена в качестве рабочей гипотезы.

Список литературы

Бураков К. С., Начасова И. Е., Генералов А. Г. Запись вариации геомагнитного поля в химической намагниченности осадочных пород археологического памятника Казачка // Палеомагнетизм и магнетизм горных пород. М.: Изд-во ОИЗФ РАН, 1996. С. 15–18.

Васильев С. А. К вопросу о бескерамическом неолите Сибири // Южная Сибирь в древности. СПб.: Изд-во ИИМК, 1995. С. 10–15.

Васильев С. А. Поздние комплексы многослойной стоянки Уй II и проблемы развития каменного века в голоцене на верхнем Енисее // Археологические вести. СПб.: Изд-во ИИМК, 2000. Вып. 8. С. 61–76.

Воробьева Г. А., Медведев Г. И. Плейстоцен-голоценовые отложения и почвы археологических памятников юга Средней Сибири. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1984. 44 с.

Горюнова О. И., Долганов В. А., Новиков А. Г., Вебер А. В. Ранний неолит Приольхонья: по материалам VI культурных слоев геоархеологического объекта Саган-Заба II // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. Вып. 1. С. 86–94.

Демиденко Г. А. Эволюция обитания древнего человека Сибири в голоцене // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 1. С. 333–344.

Макаров Н. П. Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы красноярской лесостепи // Изв. лаборатории древних технологий ИргТУ. Иркутск: Изд-во ИргТУ, 2005. Вып. 3. С. 149–170.

Макаров Н. П., Орлова Л. А. Мезолит пещеры Еленева // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. Красноярск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1992. С. 171–175.

Разгильдеева И. И., Дай К., Яншина О. В. Новые данные о возрасте древнейших керамических комплексов западного Забайкалья // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. Вып. 2. С. 168–178.

Савельев Н. А., Воробьева Г. А. Строение и возраст культуровмещающих отложений многослойного поселения Казачка I // Проблема исследования каменного века Евразии. Красноярск, 1984. С. 144–150.

Савельев Н. А., Генералов А. Г., Абдулов Т. А. Многослойное археологическое местонахождение Казачка как основа для периодизации Канско-Рыбинской котловины // Проблема исследования каменного века Евразии. Красноярск, 1984. С. 136–142.

Хамзина А. А. Результаты анализа остеологической коллекции многослойной стоянки Казачка (Красноярский край) // Тез. докл. отчетной науч.-теор. конф. Иркутск, 1979. С. 48–49.

Материал поступил в редколлегию 11.04.2014

E. N. Bocharova¹, A. A. Timoshenko², N. A. Saveliev²

¹ Novosibirsk State University
2 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

² Irkutsk State University
1 K. Marx Str., Irkutsk, 664003, Russian Federation

bocharova.e@gmail.com

THE MESOLITHIC-NEOLITHIC TRANSITION: CHRONOLOGICAL BOUNDARIES AND DEGREE OF CONTINUITY (BASED ON MULTILAYER LOCATION KAZACHKA I SITE)

Territory of Kansk-Rybinsk basin is insufficiently studied in archaeological terms. The basin is located on the western border of south of Central Siberia and borders on Baikal region, the territory of the upper Yenisei. Investigation of this area was conducted since 1972 to 1991. During this time was discovered more than 100 archaeological sites. However stationary excavations conducted on

only a few. Despite years of research basin, questions of periodization and chronology still remain undeveloped. Especially transitional periods, such as transition from the Mesolithic to the Neolithic periods. Recent research in the Baikal region and Transbaikalia showed that the border of appearance pottery moved to 7–8 ka. On the other hand, assemblages fixed in the territory of Siberia and the Far East where stone industry are Neolithic, but ceramics in them is not found. This data determines the relevance of this paper.

Purpose: Determination of the chronological boundaries of the Mesolithic and Neolithic periods, as well as the degree of cultural continuity between them based on material of multilayer Kazachka I site, including X–VII cultural layers dated from 8–6,8 ka and containing representative archaeological collection. The site was opened in 1972 by the complex archaeological expedition of Irkutsk State University (leader by N. A. Saveliev) and immediately attracted the attention of researchers. At this site in the clear stratigraphic conditions, was found 20 cultural layers. By the current periodization the end of Mesolithic of Kazachka I include X–VIII cultural layers and this period was called the final Mesolithic. The first layer containing traces of pottery production is VII cultural layer. X–VII layers fitted into one lithological strata. It is represented by slightly argillaceous thickness sandy loam and sandy sediments.

Results: Clear stratigraphic conditions of sedimentation, analysis of archaeological collections, the results of palynological and osteological analyzes, data of paleogeography and geochronology, dating of ^{14}C and residual magnetization let to fully consider the assemblages of X–VII cultural layers and to identify the following features: remains of X–VII cultural layers of Kazachka I site were left by carriers one culture and shows seamless transition to the Neolithic stone industry; the final Mesolithic and early Neolithic environment conditions not differ dramatically; economic base of the ancient population remained almost unchanged. Innovations are visible only in appearance of pottery (which is more of a cultural character) and the new form of hearth's construction.

Conclusion: This suggests the immediate continuity between the Final Mesolithic and Early Neolithic layers of Kazachka I site. The Mesolithic-Neolithic boundary can be determined interval 7–6,8 ka, what testifies by series of dates at ^{14}C and residual magnetization.

Keywords: Kansk-Rybinsk Basin, Holocene, Mesolithic, Neolithic, multi-layered settlement, chronology.

References

Burakov K. S., Nachasova I. E., Generalov A. G. Zapis' variatsii geomagnitnogo polya v khimicheskoi namagnichennosti osadochnykh porod arkheologicheskogo pamyatnika Kazachka [Recording Geomagnetic Field Variations in the Chemical Magnetization of Sedimentary Rocks of the Archaeological Kazachka Site]. *Paleomagnetizm i magnetizm gornykh porod [Paleomagnetism and Magnetism of Rocks]*. Moscow, OIZF RAN Publ., 1996, p. 15–18. (in Russ.)

Vasilev S. A. K voprosu o beskeramicheskom neolite Sibiri [On the Question of the Non-Potteries Neolithic of Siberia]. *Yuzhnaya Sibir' v drevnosti [Southern Siberia in Antiquity]*. St.-Petersburg, IIMK Publ., 1995, p. 10–15. (in Russ.)

Vasilev S. A. Pozdnie komplekсы mnogosloinnoi stoyanki Uii II i problemy razvitiya kamennogo veka v golotsene na verkhnem Enisee [The Late Assemblages of Multilayer Uii II Site and Problems of the Stone Age in the Holocene in the Upper Yenisei]. *Arkheologicheskie vesti [Archaeological News]*. St.-Petersburg, IIMK Publ., 2000, iss. 8, p. 61–76. (in Russ.)

Vorob'eva G. A., Medvedev G. I. *Pleistotsen-golotsenovyye otlozheniya i pochvy arkheologicheskikh pamyatnikov yuga Srednei Sibiri [Pleistocene-Holocene Sediments and Soils of Archaeological Sites in the South of Middle Siberia]*. Irkutsk, ISU Publ., 1984, 44 p. (in Russ.)

Goryunova O. I., Dolganov V. A., Novikov A. G., Veber A. V. Rannii neolit Priol'khon'ya: po materialam VI kul'turnykh sloev geoarkheologicheskogo ob'ekta Sagan-Zaba II [Early Neolithic of Olkhon Island: Based on the Materials of 6 Cultural Layers of the Geoarchaeological Site Sagan-Zaba II]. *Evraziya v kainozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury [Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoecology, Culture]*. Irkutsk, ISU Publ., 2012, vol. 1, p. 86–94. (in Russ.)

Demidenko G. A. Evolyutsiya obitaniya drevnego cheloveka Sibiri v golotsene [Evolution of Ancient Human Habitation in the Siberian Holocene]. *Paleoekologiya pleistotsena i kul'tury kamennogo veka Severnoi Azii i sopredel'nykh territorii [The Pleistocene Paleoecology and Stone*

Age Culture of Northern Asia and Adjacent Territories]. Novosibirsk, IAE Publ., 1998, vol. 1, p. 333–344. (in Russ.)

Makarov N. P. Khronologiya i periodizatsiya epokhi neolita i bronzy krasnoyarskoi lesostepi [Chronology and periodization of the Neolithic and Bronze Age in Krasnoyarsk forest-steppe]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii IrGTU* [Proceedings of the Laboratory Ancient Technologies (ISTU)]. Irkutsk, ISTU Publ., 2005, vol. 3, p. 149–170. (in Russ.)

Makarov N. P., Orlova L. A. Mezolit peshchery Eleneva [The Mesolithic of the Eleneva Cave]. *Paleoekologiya i rasselenie drevnego cheloveka v Severnoi Azii i Amerike* [Paleoecology and Ancient Human Settlement in North America and Asia]. Krasnoyarsk, IAE Publ., 1992, p. 171–175. (in Russ.)

Razgildeeva I. I., Dai K., Yanshina O. V. Novye dannye o vozraste drevneishikh keramicheskikh kompleksov zapadnogo Zabaikal'ya [New Data about Age of Oldest Pottery Complexes of West Transbaikal Area]. *Evraziya v Kainozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury* [Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoecology, Culture]. Irkutsk, ISU Publ., 2013, vol. 2, p. 168–178. (in Russ.)

Saveliev N. A., Vorobeva G. A. Stroenie i vozrast kul'turovmeshchayushchikh otlozhenii mnogoslainogo poseleniya Kazachka I [The Structure and Age of Sediments of Multilayer Settlement Kazachka I]. *Problema issledovaniya kamennogo veka Evrazii* [The Problem of Studying the Stone Age in Eurasia]. Krasnoyarsk, KGPU Publ., 1984, p. 144–150. (in Russ.)

Saveliev N. A., Generalov A. G., Abdulov T. A. Mnogosloinoe arkheologicheskoe mestonakhozhdenie Kazachka kak osnova dlya periodizatsii Kansko-Rybinskoi kotloviny [The Multilayer Archaeological Kazachka Site as a Basis for Periodization Kan-Rybinsk Basin]. *Problema issledovaniya kamennogo veka Evrazii* [The Problem of Studying the Stone Age in Eurasia]. Krasnoyarsk, KGPU Publ., 1984, p. 136–142. (in Russ.)

Khamzina A. A. Rezul'taty analiza osteologicheskoi kollektzii mnogoslainoi stoyanki Kazachka (Krasnoyarskii krai) [Results of the Analysis Osteological Collection of Multilayer Kazachka Site (Krasnoyarsk Area)]. *Tezisy dokladov otchetnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Abstracts Reporting Scientific-Theoretical Conference]. Irkutsk, ISU Publ., 1979, p. 48–49. (in Russ.)